№ 14

СМЕХАЧ

АВГУСТ 1924 Ленинград, Просп. Володарского, 53-а. Тел. 1-68-80 Цена 25 коп.

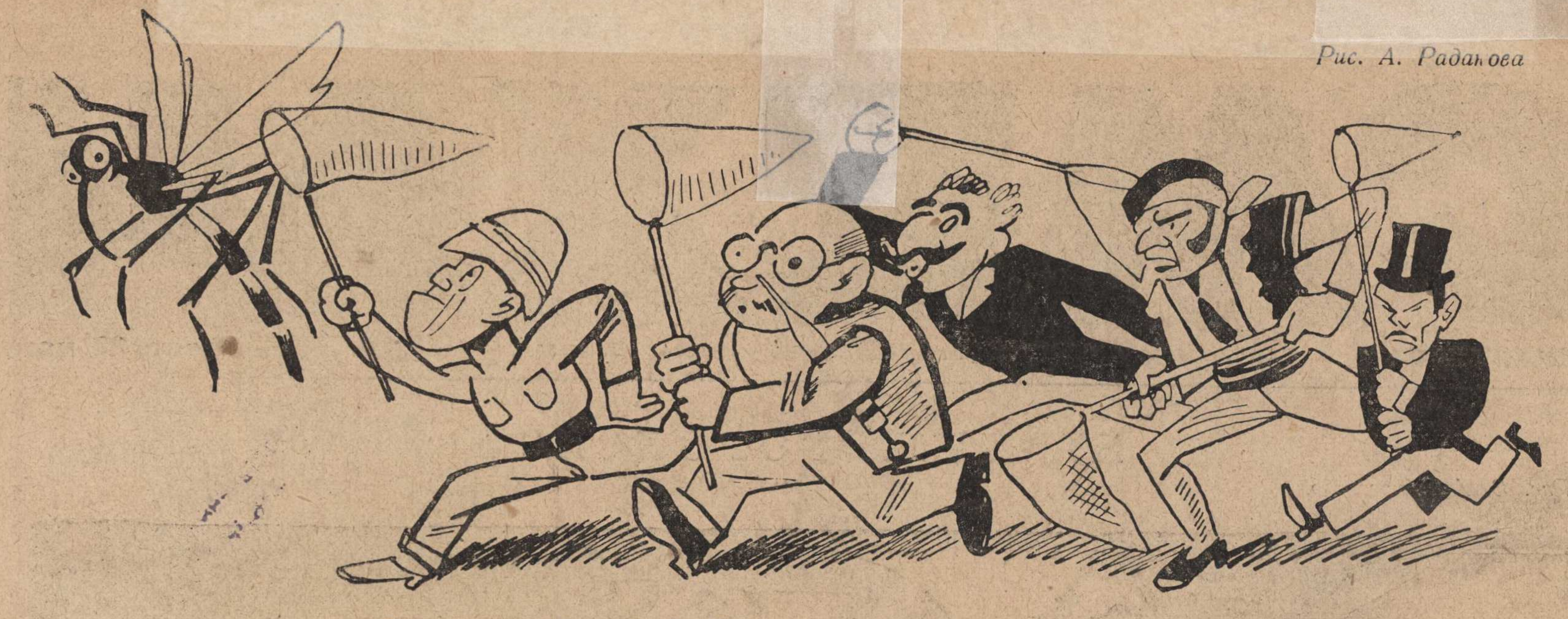
НА НИЖЕГОРОДСКОЙ

Рис. Б. Антоновского.

— Железо, бакалея, лес, сельско-хозяйственные орудия, скот...
— А продажная совесть имеется?
— Извините-с, заграничного товара не держим.

Рис. А. Радакова

Международной малярийной комисси с восхищением посвящаем.

ПУТЕШЕСТВИЕ ПИРПОНТА МОРГАНА В ЕВРОПУ

Записано придворным историком Его Высокофинасова под свежим виечатлением совершенного исторического путешествия.

...Пушки со всего материка возвестили мир об отъезде великого Пирпонта.

Статуя Свободы приспустила свой факел. На пороходе раздалась команда:

— Отдай концы!

Концы были отданы.

Это был первый случай, когда Пирпонт Морган кое-что отдавал, ничего не получая взамен.

...Когда мы вышли в открытый океан, первое, что бросилось нам в глаза, было огромное количество акул, появившихся у нашего корабля.

Такого количества акул никто из моряков, самых старых и опытных, никогда не видал.

Их было сотни тысяч, и вид у них был какой-то осмысленный, восторженный, преданный.

Они окружали наш пароход на расстоянии десятков верст, а их акульи глаза были устремлены на палубу.

Когда вышел наверх Пирпонт Морган, все акулы, точно по команде, всплеснули хвостами и высунули из воды свои пасти.

Армия приветствовала хвостами своего короля, короля акул, Пирпонта Первого.

...Мы плыли без всяких приключений. Каждое утро являлся с докладом бог морей Поссейдон. Пирпонт Морган высылал ему два доллара, и старик уходил, низко кланяясь.

Океан покорно лежал у наших ног, и в тихом журчанье его слышался гимн великому Моргану, неограниченному властелину Америки, Азии, Африки и большей части Европы.

После обеда из глубины океана иногда снова появлялась характерная голова Поссейдона, который спрашивал:

— Не надо-ли руссалочек?

Но ему отвечали:

— Не надо, старик. Мы запаслись.

Ему снова бросали доллар или два, и хитрый старик исчезал.

Пирпонт требовал бухгалтерские книги, и все замолкало, все притихало, все как-бы стушевывалось в эти минуты и на пароходе, и во всей вселенной.

...Под несмолкаемый грохот пушек и беспрерывный звон колоколов мы высадились на берег Великобритании.

Нас встретила вся королевская семья и все духовенство во главе с Исусом Христом, для такого важного случая вновь сошедшим с неба.

Сделав смотр королю и оставшись доволен его внешним видом, Пирпонт Морган проследовал во дворец Ротшильда.

Вслед за быстро мчавшимся атвомобилем Моргана Великого бросился бежать человек необычайно высокого роста с короной на голове.

Нагнав автомобиль, человек в короне на всем скаку стал кричать в окно:

— Пожертвуйте на восстановление российского престола законному монарху!

Пирпонт бросил несколько долларов, которые высокий человек в короне поймал на лету и крепко зажал в кулаке. Потом он остановился, пересчитал деньги и весело направился в ближайшую таверну, шепча:

— Выпьем за здоровье благодетеля Пирпонта, дай бог ему здоровья.

Высокий человек в короне был ни кто иной, как помазанный на царство Милюковым и Кусковой Николай Николаевич.

... У Ротшильда перед блестящим собранием всех банкиров, с Митей Рубинштейном на правом крыле, Пирпонт Морган произнес историческую речь о международном положении на земном шаре.

Речь была стара, бедна словами, но богата мыслями. Это была программная или скорее тронная речь владыки мира.

Пирпонт говорил:

— „Самое мудрое слово — „душить“. Души и недушим будешь. Главным образом души должника. Это ты обязан делать.

„Англия должна Америке, и Америка обязана душить Англию.

„Франция должна Англии, и Англия не смеет не душить Францию.

„Германия должна Франции — пусть Франция душит Германию.

„Истинно говорю вам: каждый доллар, находящийся в вашей кассе, есть плод чьего-нибудь удушения.

„И если соблазнит тебя чей-нибудь фунт, задуши его владльца и возьми его фунт.

„Берите пример с птиц небесных: они не сеют, не жнут и в житницы не собирают, а отлично живут, воруя из чужих житниц.

„Жми, кого можешь, особливо рабочего“.

...Когда Пирпонт вышел на улицу, к нему подошли фарисеи Эррио, Макдональд, Пуанкаре и др.

Фарисеи спросили его:

— Как поступить с советскими республиками?

Воззрившись на них, Пирпонт сказал:

— Воздайте банкиру банкирово. Впрочем, вы не стоите тех денег, которых вы стоите... Мои распоряжения узнаете от моего секретаря.

...Отъезд Великого Пирпонта был омрачен нехорошим поведением рабочих.

У самого парохода в день отъезда появилась демонстрация с плакатом, на котором было всего три слова: „А нам наплевать“,

Это очень огорчило Пирпонта Моргана. Некоторые слышали. как он при этом прошептал:

— Предчувствую, что они сдержат слово ..

И на всякий случай вынул из кармана платок.

О. Л. д'Ор

„БУМТРЕСТ“

Некоторые завкомы и месткомы проводят через протокол все без исключения бумажки, получаемые из губотдела, уотделения и упрофбюро. Доходят до того, что от членов союза требуют подачи заявлений по мельчайшим вопросам. (*„Труд“*)

Товарищ Дырьев, предместкома, обливаясь потом, напрягает последние усилия и выдавливает из горла:

— Пункт 99-й...

Против Дырьева, за столом, в позе столбняка, с замершим в руке пером сидит секретарь, тов. Режаков. Сбоку—обмякшие и сгорбившиеся члены месткома, Кравченко и Сыряк.

— Что-же вы не протоколируете?..—спадающим до шопота голосом спрашивает предместком.—Пункт 99-й... Пункт!..

Секретарь вздрагивает и глядит на него мутными глазами.

— Я заношу... Пункт 99-й...

— О починке стенных часов.. Вопрос ясен... Высказываться не вмоготу... Кто против? Нет. Воздержавшиеся? Нет. Пишите: „Починить“...

Предместком кладет бумажку направо, в „рассмотренные“ и берет новую из внушительной груды, возвышающейся слева.

Со стороны Сыряка доносится подозрительно - равномерное дыхание. Уходился бедняга!. Вдребезги изголосовался!..

— Пункт сотый... Из губотдела... Указание насчет порядка отпусков... Кто против? Воздержавшиеся?.. Пишите: „Принять к руководству“... Сто первый...

Секретарь косится на груду нерассмотренных и страдальчески морщит лоб.

— Егор Иваныч... На сотом номере, вроде как-бы на юбилейном—перерыв бы сделать... Никакой возможности... Помилосердствуйте!..

— Внесено предложение перерыва... На сколько минут? Назначайте сроки...

— Десять.

— Пятнадцать.

— Кто за десять?

— Виноват. Я снимаю свое предложение. Голосуйте второе.

— Кто за пятнадцать? Единогласно. Занесите в протокол: „Назначить перерыв текущего заседания на пятнадцать минут...“ Объявляю перерыв.

Воцаряется свинцовое молчание. Только муха, не успевшая помереть, но с явными признаками предсмертной одури жужжит у неподвижного носа председателя.

Пятнадцать минут!.. Милые пятнадцать минут, которые можно предать сладостному бездействию! Они кажутся вечностью...

Мир с бумагой и номерами остался где то далеко - далеко...

Но вот врывается суровая действительность. Скрипнула дверь. Все вздрагивают.

— Кто такой? Что нужно?! Здесь заседание.

— Простите... Мне-бы под заверкой поставить печать...

Конец золотому сну! Опять дела, протокол, печати...

Председатель Дырьев напряженно переспрашивает:

— Поставить печать? Под заверкой?

И добавляет тоном окончательной резолюции:

— Подайте заявление. Рассмотрим.

Ив. Пр.

ПО ВОЛГЕ

— Как сели мы в Нижнем, да как двинули вниз по матушке...

— Тсс... Тсс... Тише!

ПРИЧИНА—СЛЕДСТВИЕ

— Товарищ, мне не нравится ваш вид, вы должны хлопотать о месте в санатории.

— Потому и вид у меня такой, что хлопочу о месте в санатории!

СВОЯ РУКА

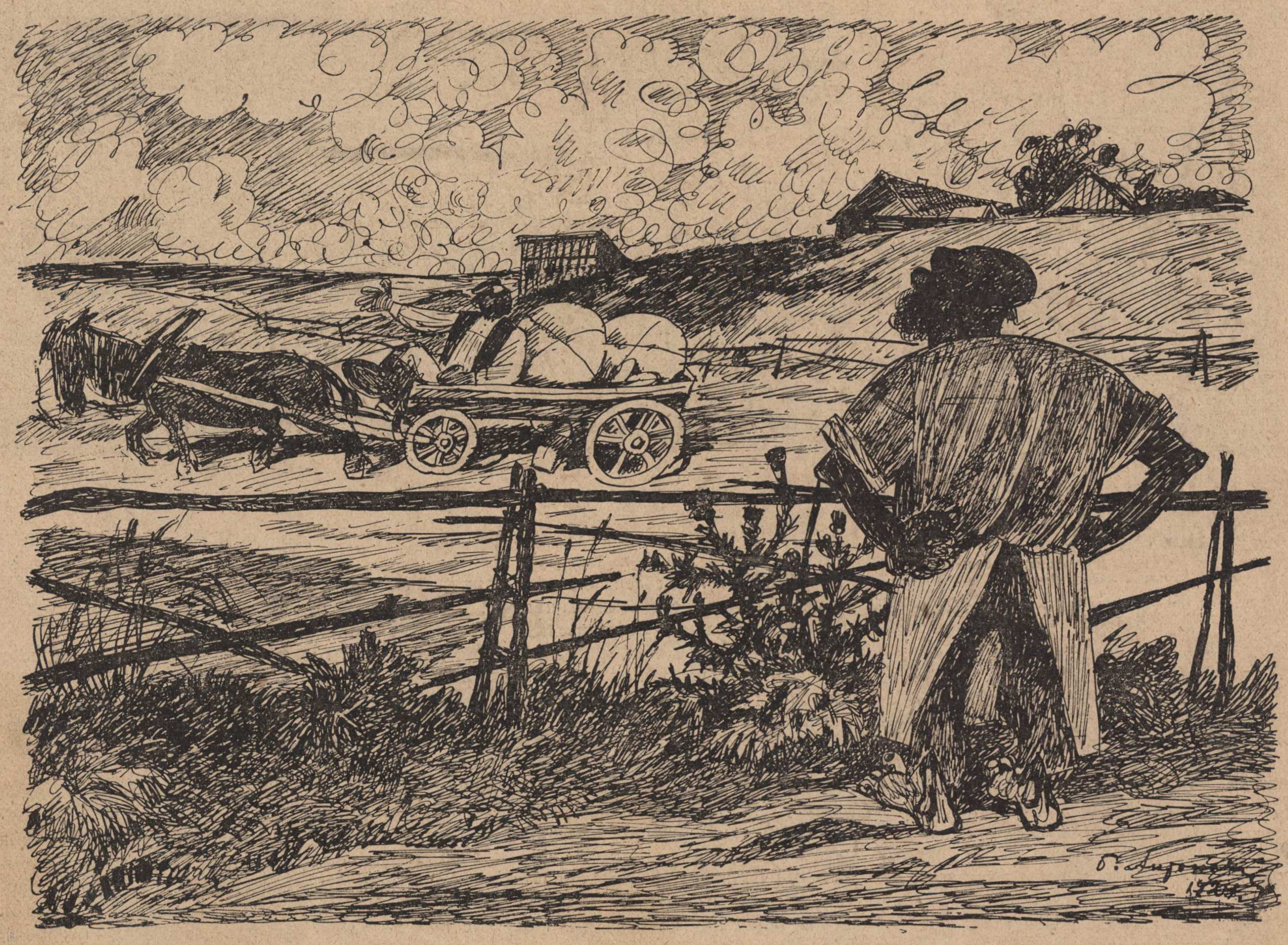
— Как у вас работает РКК?

— Здорово! Все члены РКК получили максимум „нагрузки“!

ПУТИ СМЫЧКИ

Рис. Б. Антоновского.

Проселочные дороги, находящиеся в плачевном состоянии, являются серьезным препятствием в установлении связи деревни с городом.

— Кум! Ежели к вечеру из города не вернусь, стало-быть, на дороге сел... Пущай всей деревней идут вызволять, да багры чтобы не забыли...

НА ПОМОЩЬ ГЕРМАНИИ

(Вывод из лондонской конференции)

Рис. А. Радакова

ЭРРИО ***(занося ногу):*** **— Труден только первый шаг! А там — пойдет, как по маслу!**

ДОБРОХИМ

Идеи Доброхима все больше и больше завоевывают массы. *(Из газет).*

— Вылью я эту банку, Иван Дмитриевич?

— Я те вылью!

— Ишь, дух от нее какой тяжелый!

— Не твоего бабьего ума это дело. Пущай стоит, как стояло.

— Опять суседи скажут, что вы воздух пртите.

— Которые несознательные все на человека сказать могут. А понимающий человек — сразу сдогадается, для чего я запах напущаю.

— Кому же вонь в квартире нужна?

— Тебе, дуре, не нужна, а в рассуждении ученого человека этим запахом мировую буржуазию в один миг отравить можно.

— Даже в голову ударяет!

— Коли даже твою голову тронуло — так у мировой буржуазии сразу башка затрещит...

— Позвольте! Где такие законы есть, чтобы в чужой квартире воздух портить?

— Хоть вы и расчлен, а химией можете на свежем воздухе только заниматься!

— Ежели каждый сапожник газы начнет пущать — житья не станет!

— Вы обязаны считаться с обонянием соседей! Тоже люди здесь живут, а не скоты бесчувственные!

— Виноват, гражданин судья! Должен же я, как есть член, окромя взносов, инициативу проявлять в конкретном искании газов против хищников мировой буржуазии? Ужли соседи потерпеть не могут до скопления запахов? Которые сознательные фортку открыть могут. А ежели Васька Корявый в обиде на меня, что я ему фасон сапог испортил — то ужли из-за такой малости передышку капиталистам давать?..

— Неужто так и пропали твои газы?

— Управдом, сукин сын, в помойку выбросил на основании, дескать, определения суда. Либо, грит, с квартиры съезжай, либо газы не разводи.

— Чего же судья-то на твою сторону не стал?

— У вас, говорит, не доброхимь, а зловонь. Вы, грит, заместо, мировой буржуазии — соседей своих по квартире отравить можете.

— Это все Васька-пес затеял с целью!

— Ясно! Как бы я сапог ему не испортил, может уж с первой воздушной почтой банку мою-б пустили. Уронил бы ее летчик над Германией — вся бы мировая буржуазия в разные стороны разбежалась... Да разве у нас народ понимающий? Известно, скопские!

Сергей Томский

БУМАГА

Бумажная промышленность делает большой шаг вперед. За 9 месяцев производство Ленинградбумтреста увеличилось вдвое.

Очень, очень, очень рад
(Признаюсь в том без заминок!)
За союз, за Ленинград
И за весь бумажный рынок.
Но вопрос не так-то прост!
Будем прямы и открыты:
Вдруг потянет этот рост—
Рост бумажной волокиты?!
Я заране морщу лоб
От грядущих прегрешений:
Десять тысяч лишних стоп!
Сто милльонов отношений!

А. А. А.

СКЕПТИК

— Знаете, Петр Николаевич, с Марсом будут по радио разговаривать!

— Шутки-с! С Марсом! Когда я Валюткина третий час не могу дозвониться!

„СТАТИСТИК"

— Здравствуйте, я вот читал, что в Ленинграде за месяц на каждого человека приходится не то 20, не то 50 бутылок выпитого пива.

— Что-же из этого следует?

— Так как я вовсе не пил, то нельзя ли мне будет получить деньгами? Вот, что следует, то и отдайте.

УЖЕЛИ?

В Москве на совещании в Госспирте выработана производств программа на 24/25 год: 3.700.000 ведер спирта.

Расчет! Продукция!! Программа!!!
Я сам хозяйствен до нутра,
Но в „спиртоплане" „спиртодрама"
Вопит из каждого ведра!..
Уселись чинно зав'ы, зам'ы,
Скрипят вовсю секретари—
Чу! Крик родившейся программы
В Москве, в Госспирте, там, внутри!..
Я, потрясенный в полной мере,
Шепчу в испуге „не убий"...
Ужели взят в Эсэсэсэр'е
На хозрасчет Зеленый Змий?

Александр Флит

ИЗ НИСШЕГО В ВЫСШИЙ

Рис. Б. Козлинского

У зарубежных меньшевиков состоялось заседание „расширенного пленума" Ц. К. Р. С. Д. Р. П., который принял новую „общеобязательную программу".

— А у нас, бабушка, теперь совсем новая программа...
— Отчего так, детки?
— Мы-же перешли из одного класса в другой!..

ДВОЙНАЯ ТЯГА

Рис. И. Малютина

— Ты что же это, мать, у знахаря была?

— За приговорной водой, от рематизы. Только вы, батюшка, насчет религии не сумлевайтесь: я в тую воду святой водицы подлила!

КЛОПОВЬЯ РАДОСТЬ

— Рабочие находятся в ужасных жилищных условиях..

— Спят на грязном полу. Тараканы и клопы заедают...

(*„Правда“*, № *168*).

На столе чадит коптилка. Сырость сверху: хлоп да хлоп!
Из щели ползет огромный, толстый, важный старый клоп.

Влез на грудь. Куснул легонько. И пустился рассуждать:
— „Нам, клопам в рабочем доме не житье, а благодать!

„Как-то раз октябрьской ночью, этак семь годков назад,
„Впал клоповий род в смятенье... Плачь и скрежет! Тьма и ад!

„Переполз к нам от соседей на-смерть бледный юный клоп:
— „Погибаем!—он лопочет.—Революция! Потоп!

„Я взглянул в окно сегодня и гляжу: идет толпа...
„О, представьте ясно, братцы, ужас бедного клопа!

„Над толпой плывут плакаты... Ах, не умер я едва!
„На плакатах тех пылают непривычные слова:

„Власть крестьянам и рабочим! Гнить им дальше — ни-ни-ни!
„Хватит с них! Довольно жили в грязной слякоти они!

„Все смести к чертям лачуги! Всюду выстроить дворцы!
„Пусть живут в довольстве дети—коли не жили отцы!

„Это значит, это значит,—речь закончил юный клоп,—
„Смерть клоповскому народу! Замуровывайся в гроб!

„Поднялись тут плач, и стоны, и смятенье. Только я
„С философским хладнокровьем молвил: — Слушайте, друзья!

„Больно рано ныть да плакать. Я, конечно, не пророк—
„Но поверьте мне: не пробил, не пришел последний срок!

„Пусть везде, взамен лачуги, встанет до неба дворец—
„Народится, расплодится, крепко сядет некий спец.

„И пойдет дворец под спеца. А рабочий, как и встарь,
„Будет спать на грязных нарах и вдыхать как прежде, гарь.

„Речь лилась—клопы внимали мне в волшебном забытьи...
„И сбылись, как можешь видеть, предсказания мои!“

И сказавши это, в тело так вцепился старый клоп,
Что, с постели прыгнув на пол, я разбил до крови лоб.

И, вопя от острой боли в расцарапанном виске,
Набросал вот эти строчки на замасленном листке:

— Эй, товарищи! Хихикал старый клоп совсем не зря:
Аль мы сдуру позабыли обещанья Октября?

Этой едкой укоризной новый раж в сердца волью:
Больше рвенья и вниманья к пролетарскому жилью!

К нуждам семей пролетарских власть не может быть слепа!
Подкузьмите-ж, посрамите-ж злопыхателя-клопа!

А. д'Актиль

НОВОБЫТНИК

— Как же это вы: стоите за новый быт, а у вас полдесятка икон висит?

— Так это, извольте видеть, вроде как бы антирелигиозный музей.

СЕРДЦЕВЕД

— У вас в доме видать, капитальный ремонт.

— А ты откуда знаешь?

— Жена твоя такая нарядная, а ты — правленец.

КРЫША

— Обратите внимание на этот оригинальный дом! - сказа мой спутник, дернув меня за рукав.

— Посмотрите на крышу...

— Это сделать довольно трудно, стоя внизу.

— Так я вам скажу. Это не крыша, а сплошное решето. Я хорошо знаю, потому что живу на самом верху. Когда идет дождь, я плачу совсем так же, как мой потолок.

— Это вы находите оригинальным?! Мой друг, вы просто не знаете, каковы крыши большинства домов.

— Да! Но другие крыши ремонтируются, а наша никогда не будет отремонтирована, *не может быть* отремонтирована! Скажу больше: скорей самый закаленный коммунист превратиться в монархиста, нежели начнется ремонт нашей крыши!

В голосе его звучало убежденное отчаяние.

— В чем же дело? Бездеятельность? Недостача средств?

Он замахал руками.

— Что вы, что вы! Хорошенькая недостача средств, если каждый месяц мы имеем две тысячи квартирной платы! А правление? Вы знаете, это такие замечательные люди — все, как на подбор! Разберем по порядку. Председатель Фитилев. Энергичный, работоспособный; вдобавок, член заводской ячейки. Секретарь Нога. Дай бог всякому быть этакой Ногой — аккуратность невероятная. А казначей Подподольев? Вы знаете, он чуть не сошел с ума, когда в прошлом месяце приход не сошелся с расходом на одну копейку золотом. Другие два члена, Соломин и Пипкевич — чисты, как хрусталь. И что-же? Крыша все-таки не будет отремонтирована. Ага!! — победоносно воскликнул он, прочитав на моем лице изумление: — Теперь вы убедились, что дом, действительно, оригинальный!

— Странно! Чем же занято это ваше идеальное правление?

— О! Конечно, крышей! Вы знаете, зимой, они заседали еженедельно, а теперь, когда возник этот крышный вопрос, так они заседают все время — и ничего не могут высидеть!..

— Странно!

— Слушайте дальше и вы убедитесь, что иначе не может быть. Два месяца назад, собрание жильцов постановило начать ремонт крыши. Хорошо. Собирается правление и говорит: „Товарищ Пипкевич, вы же — техник; вам и крыша в руки. Найдите подрядчика“. Хорошо. Нашел Пинкевич подрядчика. Условия — выгодные, и все члены благодарили Пипкевича. Но когда Пипкевич пошел с подрядчиком на крышу, секретарь Нога задумался. Все члены спросили, почему он задумался. А Нога говорит: „я думаю, что следует найти еще одного подрядчика... Я, конечно доверяю Пипкевичу, но...“ Тогда все члены тоже задумались. „В самом деле, может быть, Пипкевич договорился с этим подрядчиком за особые проценты? Кто знает?! Нужно найти еще одного подрядчика“.

Хорошо. Поручили находку Соломину. Разумеется, назавтра Соломин уже приводит подрядчика. Подрядчик просит дороже, чем первый. Когда ему сказали условия первого, он сказал: хорошо, я могу ремонтировать по той-же цене. Решили с ним покончить, как вдруг неожиданно задумался казначей Подподольев. Он, конечно, верит в Соломина, как в самого себя, но... И всем членам вскочило в голову это „но“... Действительно! разве Соломин не мог договориться за проценты? Кто знает?, Необходимо найти нового подрядчика. Ну, что-же? Короче говоря, Подподольев привел подрядчика, и Нога тоже привел подрядчика, и теперь у каждого члена по одному подрядчику. И все — на одинаковых условиях. И каждый снижает один, снижают остальные три. И только председатель не привел подрядчика. Но ему еще хуже: он все время задумывается, не зная, чью кандидатуру поддерживать... В самом же деле, разве все они, каждый со своим, не могли договориться за проценты? Кто знает?! Только я знаю, что это — самый оригинальный случай, и что крыша наша останется дырявым решетом. О!!! Что это?! Кажется дождь?! Так и есть! Моросит! — Ну, я бегу домой. Когда живешь в таком оригинальном доме, нужно принимать меры...

— Какие? — поинтересовался я.

— Очень простые: я покрываю перед дождем все вещи клеёнкой... Что поделаешь?!

Ив. Прутков

ПИЛЮЛЯ — АРЕ

— Представьте себе новую бестактность большевиков: Ара снова протянула им руку...

— А они?

— Они протянули только три пальца, да и то в комбинации!!.

ФАТА МОРГАНА

— Это ловко: один Морган, а стоит целого корпуса.

— Да. Дипломатического.

ПОСЛОВИЦЫ ЛОНДОНСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

(Последнее издание)

АНГЛИЯ

Ласковый Макдональд двух банкиров сосет.

———

Не в свой Рур не садись!

ФРАНЦИЯ

На чужую конференцию со своим Морганом не лезут.

———

Незванный эксперт хуже татарина.

АМЕРИКА

Не плюй в Моргана, пригодится воды напиться!

———

У всякого банкира — своя фантазия.

ГЕРМАНИЯ

И бьют, и денег не дают!

Морзи.

РАЗБУЖЕННЫЙ РЕВОЛЮЦИЕЙ

Вез меня крестьянин
С гривцевских озер;
Тайной думкой ранен
Углубленный взор.
Семь годков — не мало:
— Повидал всего!
Бурею мотало
По свету его.
„Рожь-то... Эко твари! —
Куколь, лебеда...
Немцев бы, товарищ,
Немцев бы сюда!
Немец и денечка-б
Даром не терял —
Через три годочка,
По сто пуд снимал!

А у нас... Да, эвон,
Глянь по-за плетень...
Эвона, налево, —
Деревенька Пень.
В полверсте динамо,
Всюду яркий свет: —
Заграница, прямо! —
А в деревне нет...
Почему? А просто:
Верховодит старь.
Старая короста
Заедает ярь!
„Не бла-го-че-сти-во“, —
Вишь ты, — „Суета“...
Всех бы их с обрыва
С камнем в омута!“

* * *

Стеганул лошадку,
Обнимая кладь...
„Да, браток, несладко
Пенья корчевать!..“

Василий Князев

РАСТОЧИТЕЛЬ

НКФ намерен довести заработок учителям школ I ступени до обязательного минимума: 23 р. 25 к. для I пояса, 18 р. 80 к. для II пояса и 15 р. 70 к. для третьего пояса.

Рис. Н. Радлова.

— Учитель-то, гляди, как нищий какой: без сапогов!

— Сам виноват, мать. Я его намедни спрашиваю, отчего он сапогов не купит, а он махнул рукой, да и говорит: третий пояс! Ишь ведь: поясов три штуки завел, а сапогов справить не может!

КОМУ НЕДОРОД, А КОМУ ПОЛОН РОТ!

Рис. А. Радакова

Во многих селах, пораженных недородом, беднейшее крестьянство уже начало продавать за бесценок скот.
„Беднота“ (№ 182)

Ты гуди-играй гармонь
Веселися, опчество!
Солнце пышет, что огонь:
Хлеб спалило дочиста.

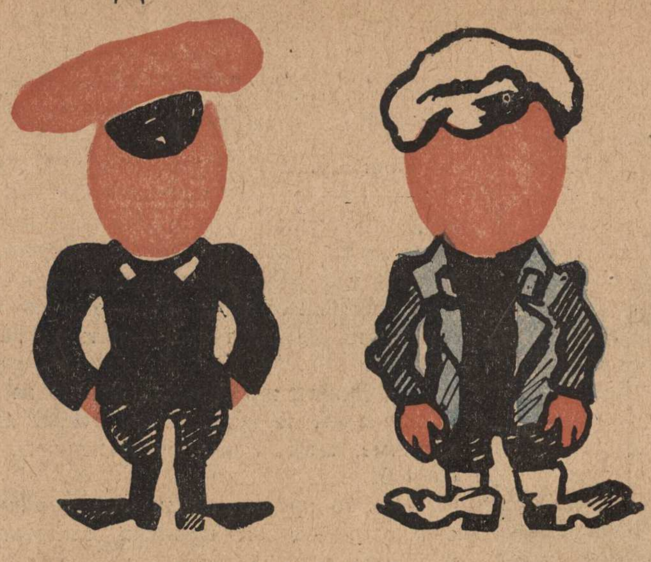
То-то праздник бедняку:
Гни пониже спинушку!
На смотрины к кулаку
Загоняй скотинушку!

Но болит у кулака
Вся душа алтынная:
— Э-эх, советская рука
Больно ноиче длинная!

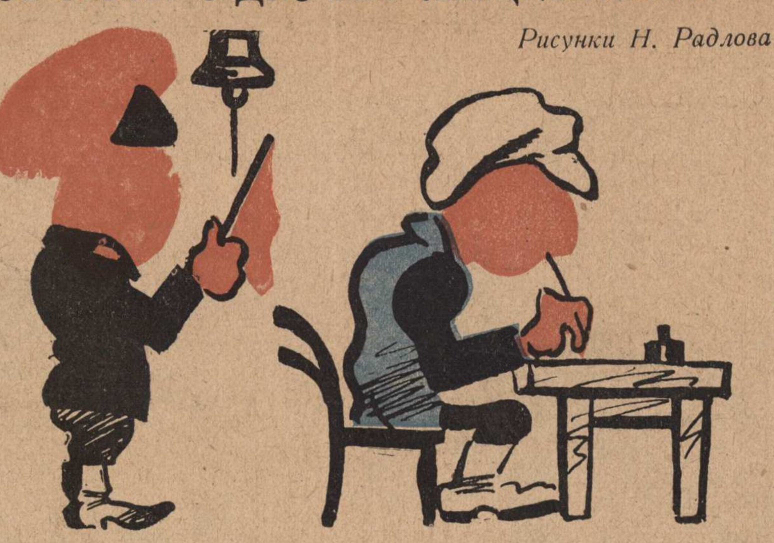
Видом тощего скота
Сердце так и тешится...
Да примета не спроста:
Под загривком чешется.

МЕДАЛЬ БЕЗ ОБОРОТНОЙ СТОРОНЫ: С ДВУМЯ ЛИЦЕВЫМИ!

Рисунки Н. Радлова

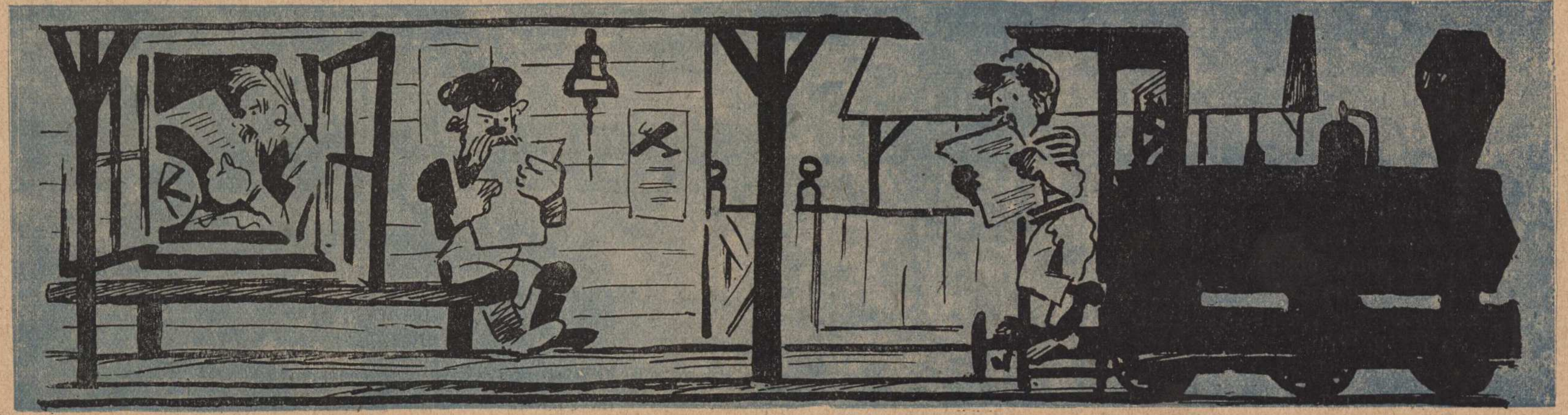

Жил на ст. Нара, М. К. В. Ж. Д., начальник станции.

И жил на этой-же самой станции рабкор.

Начальник — известное дело — начальствовал.

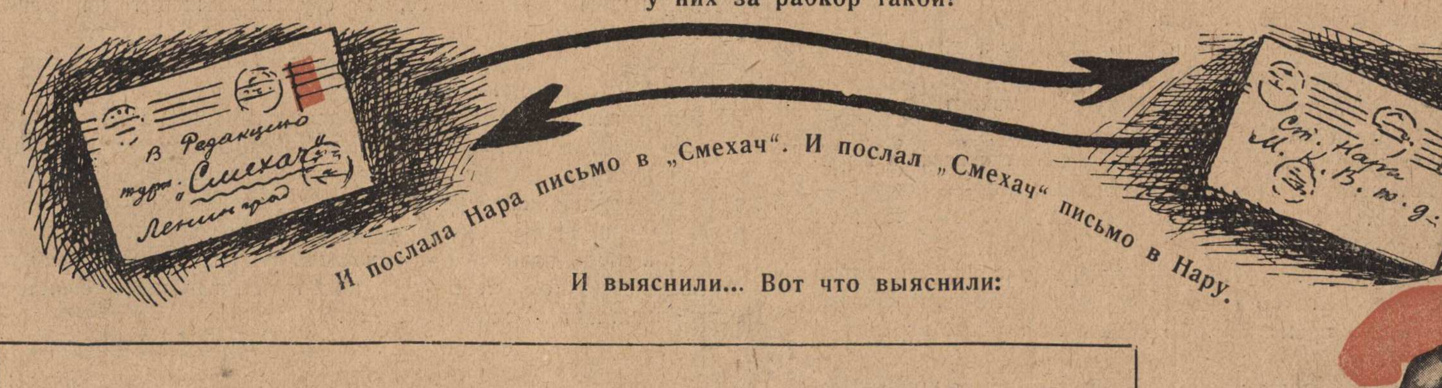
А рабкор — рабкорил

Но читали жители Нары газеты и журналы и диву давались: — Что за чертовщина! Про то, что у нас начальник станции распорядительный — написано, а про то, какое у нас рабочему люду житье — ни полслова! Что это у нас за рабкор такой?

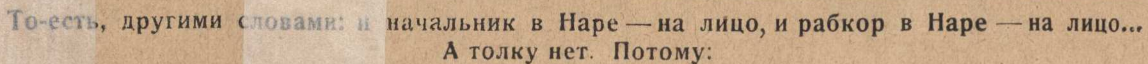
И читали в „Смехаче" корреспонденции со станции Нары и глазами хлопали: — Что за дьявольщина! Про то, что у них начальник станции распорядительный — написано, а про то, какое у них рабочему люду житье — ни полслова! Что это у них за рабкор такой?

И послала Нара письмо в „Смехач". И послал „Смехач" письмо в Нару.

И выяснили... Вот что выяснили:

„... а ежели наш рабкор без передышки разводит хвалебные узоры о начальнике станции, то иначе и быть не может, — как наш рабкор и есть сам начальник станции ..."

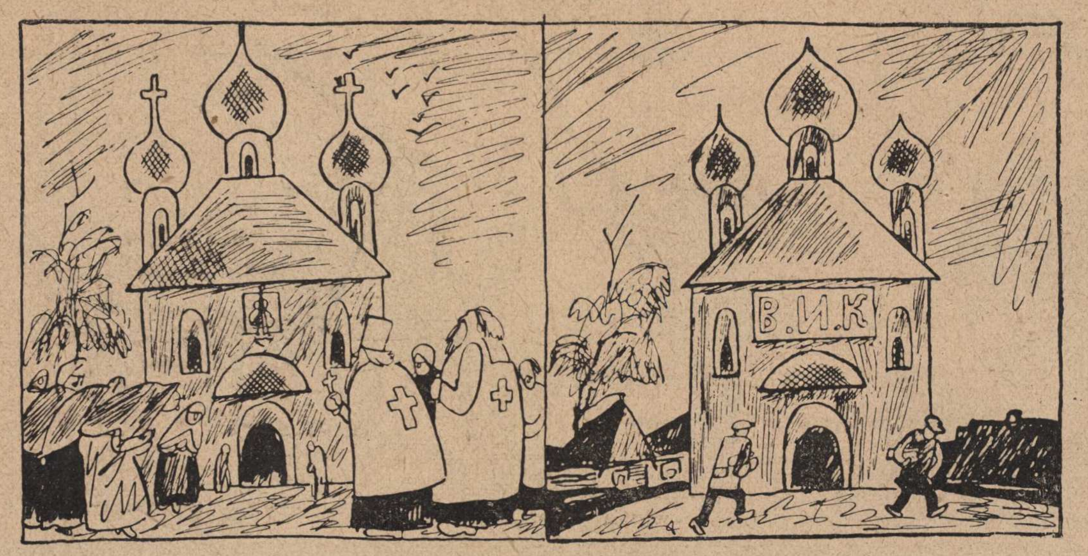
То-есть, другими словами: и начальник в Наре — на лицо, и рабкор в Наре — на лицо... А толку нет. Потому:

— На одно лицо, канальи!

КОНЕЦ ЛУЧШЕ НАЧАЛА

Рис. В. Козлинского.

Крестовик. **Просто ВИК. Без креста.**

ЕДИНСТВЕННЫЙ ВЫХОД

1.

— И у вас постоянно такая программа?

— Постоянно.

— У вас этот ужасный борец каждый раз выпивает на сцене два ведра чаю, возит по аллее телегу с сорока поссажирами, лопает перед почтеннейшей публикой по пуду хлеба, и все это проделывается в театре уездного политпросвета, в клубе имени „Карла Маркса“?

— Ага, но...

— Какие тут могут быть „но“? После этого борца у вас вторым номером весьма подозрительные девицы плясали канкан, а потом была поставлена оперетка „Бедные овечки“! И это у вас изо дня в день!

И пошел! И пошел! И чего он только не наговорил! Сколько он шей намылил! Сколько он горьких слов произнес!

— Изжить! Немедленно! У вас же в театр рабочие ходят! Поймите, что у вас сейчас не политпросвет, а помойная яма!

Перемутил всех и уехал в свой губком.

2.

А председатель после его отъезда клок волос из головы от огорчения вырвал, — вот, прямо взял, рванул и вырвал и боли не заметил.

— И что, я — стонет, — сирота расперенесчастная, делать буду? Откуда я со своими калеками здоровую пищу достану?

— Позвольте, — ответствуем, — и волосы цену имеют, зачем их рвать? А насчет закорючки давайте сообща мозгами шевелить.

Пошевелили, пошевелили и вызвали на общее собрание всю труппу.

— Так и так, — говорим, — приезжал из губернии инструктор и очень неутешительно о театральном деле отозвался. А тебя, чемпион мира, даже шантрапой назвал.

— Жаль, — отвечает, — что поздно сказали, а то бы я ему двойной нельсон и парад алле устроил!

— А насчет вас, стрекозы, — еще хуже выразился.

— Да как же он смел! Что же он сказал?

— А такое сказал, какое товарищ Троцкий призывал в выражениях не употреблять. Словом, все пропали. Надо, — говорит, — всё в корне менять. Ну, на что вы еще способны? Ты! Чемпион мира! Ты на что еще гож?

— Я могу, — говорит, — вместо сорока пассажиров сорок красных бойцов в телеге возить. Это по моему очень агитательно. И пущай они в это время Интернационал на трубах играют, — я и это стерплю.

Что же думаем, — один номер исправлен в самый корень.

С одним покончили. Теперь уже никакого подкопа ни от губкома, ни от губполитпросвета быть не может.

3.

— Ну, а вы, стрекозы, вы как же?

— Прежде всего, — говорят, — мы протестуем. До вашего паршивого Оболдуевска мы в Ленинграде работали, там на Невском театр есть не вашему чета, — у вас на стенах тараканы, да надписи мелом, а там во всю стену зеркала, и публика нас видит и на сцене и в зеркала и всегда нам одно одобрение и браво-бис было.

— Да ну вас с зеркальным залом к лешему! Разве нам до этого? Нам что? Порхаете, ну и порхайте. Инструктор, — вот наша язва!

Пошушукались стрекозы и говорят:

— Только из уважения к вам мы согласны уступку сделать, но вы должны нам аванс дать на новые костюмы, — я буду в костюме рабочего плясать, а Настя крестьянкой. Вот и считайте — два костюма, шелковые чулки, туфли — пять червонцев авансу!

— Деньги дать авансом можно, за вами не пропадет, да, ведь, танцы нужны агитационные, а вы на что, кроме канкана, способны?

— Это просто придирка, — обиделись стрекозы, — танец в таких костюмах, — рабочий и крестьянка, да еще я буду с молотком, а Настя с серпом, а финал сделаем, как на трехрублевке, — ведь это не одна смычка рабочего с крестьянином, тут еще агитация денежной реформы...

— Согласны! Вот вам по пятерке авансу, хотите обходитесь, не хотите, дуйте в Ленинград в зеркальный зал!

Маленечко поломались, а все-таки танец смычки и денежной реформы в программу включили.

4.

— Насчет меня, — угрюмо сказал в порядке очереди режиссер труппы, — короток сказ! Ни дьявола кроме „Овечек“, „Постели“ и „Предъявить“ не знаем и не желаем ни знать ни разучивать. А ежели вам это не удобно, то просим прощения, поедем в уезд на гастроли, авось год прохарчимся.

Мы ему на это всякие упреки и даже намеки а он!

— Мы это не почему-нибудь, а только потому, что актеры мы, сами знаете, липовые и эти три пьесы наизусть играем, — у нас даже и пьес нету, а наша герония только семь букв в азбуке знает. Поэтому нам новых пьес учить нельзя.

— Эх вы, — берем их на стыд, — актеры тоже!

— Такие, — говорит, — актеры, что коли хочешь есть, так даже архиреем сделаешься, а не только актером. А если вы сами недовольны, — приглашайте настоящих актеров, да только кто к вам поедет?

Что тут делать! Пропали! Пропали, как пить дать!

— Вы хоть „Борьбу за волю“ разучите, — просит председатель, — я сам в ней без репетиции помещика играл, — весьма легкая пьеса.

Нет! Нет! И нет! Уперся и ни на шаг.

Повесили мы носы... Ужас! Ужас!

5.

А выход мы все-таки нашли. Не сами додумались, а один прочищенный студент надоумил.

Вот как кончаются первые два номера, как даем мы перед опереткой первый звонок, — сейчас студент выходит на авансцену и произносит речь:

— Товарищи и граждане! — Театр есть школа! Театр есть то и это. Великое дело — театр!

И минут пять всякие слова про театр говорит, а потом:

— Но чем он был раньше! Чем он был при прогнившем буржуазном строе! Мы покажем вам сейчас пьесу, и вы содрогнетесь от отвращения! Ужасная пьеса! Нетерпимая в пролетарском театре пьеса! Мы ставим ее единственно для того, чтобы возбудить в вас отвращение и ненависть ко всему буржуазному!

Раскланяется, получит в кассе полтинник, а режиссер с чистой совестью начинает „Бедных овечек“.

Евграф Дольский.

УСТАНОВКА НА СКОРОСТЬ

„В рабстоловых часами приходится ждать обеда“.

— А хозяин-то у вас скоро придет?

— Муж-то? Дня через два: он обедать ушел в рабочую столовую.

НА КУЛЬТФРОНТЕ

— И давно такая масса стала посещать клуб?

— Неособенно: с тех пор как пивом торговать стали!

40 ЧЕЛОВЕК И 8 ЛОШАДЕЙ

БЕРЕГИТЕ КАЗЕННОЕ ДОБРО!

Ряз. „Раб. Кр.“ (№ 144) сообщает, что в один прекрасный день крестьяне, жители с. Белоомут, обнаружили пропажу моста, соединявшего озеро Озерицкое с Окой. Как это случилось,—никто не знает. Украден ли мост, унесен ли водой,—неизвестно. Нет моста и кончено! А мост был крепкий и, по словам газеты, мог продержаться еще десятки лет. „Раб. Кр.“ недоумевает:

Куда он мог пропасть? Чем все это кончится?

Чем кончится? Очень просто: за мостом стянут озеро, а потом стибрят и самую Оку. Воров—их только пусти! Камня на камне не оставят!

ДОГОВАРИВАТЬ НАДО

Любит русский человек обстоятельность!

По словам сызранского „Красного Октября“ (№ 206) в селе Березовке, Ус. вол., иконы, висевшие в переднем углу сельсовета, были, согласно распоряжения, сняты, но медное распятие осталось висеть.

— Почему-же его не сняли?

— В распоряжении только ведь об иконах говорится, так зачем же крест-то трезожить?..

В такой Березовке красноармеец-отпускник был-бы, вероятно, лишен всех политических прав:

— Сказано в констикуции: власть рабочая и хрестьянская! А ты куды лезешь, солдатская образина?

Любит обстоятельность русский человек!

ЗАКОННИКИ

В с. Байдики, — сообщает „Раб. Кр.“ (№ 147), — свирепствует болезнь скота. Участились случаи падежа. В целях немедленного прекращения эпизоотии ВИК посылает бумагу в Лялинский ветпункт о присылке врача. Оттуда отвечают:

„Попадьинская волость к Лялинскому ветпункту не принадлежит, она совсем другого района“.

ВИК послал такую-же бумагу в Стенькинский ветпункт.

„Оттуда ответили то же самое“.

Если теперь попросить у названных ветпунктов оценки получившегося результата, оба они, конечно, ответят:

— „Ввиду своевременного непрекрепления села Байдики ни к одному из ветпунктов, скот Попадьинской волости и передох на законном основании“.

И правильно! Не подкопаешься!

ЖЕРТВЫ СЛУЖЕБНОЙ НЕБРЕЖНОСТИ

В пос Журавлиха, Сызранской вол., нет дождя и нет! Служили молебстви — не помогает. Тогда вспомнили про некоего „святого“ старца. По словам „Кр. Окт.“ (№ 201):

Старец, узнав, что на полях Журавлихи зарыт удавленник, велел его разрыть и вылить на него в первый раз 15 бочек воды, потом через некоторое время опять вылить 15 бочек и так до трех раз. По рецепту старца все было сделано, как „полагалось“, но дождя журавлихинцы так и не дождались!

И очень просто.

Требовал старец протокола медицинского вскрытия? Нет! А надо было потребовать: может, это и не удавленник вовсе, а отравленник — вместо денатурату древесного спирту хлебнул и помер!

На плохого старца напали журавлихинцы! Хороший бы старец никогда такой ошибки не допустил!

ПОЛИТДЫРА

В Енисейском губфинотделе идет проверка политзнаний сотрудников.

— Что такое эмиссия?

— Государственное отделение частновладельческих земель.

— Рур?

— Российское управление республики.

— Где существуют рабочие правительства?

— В Персии и Турции.

— Кто такой Чичерин?

— Не знаю.

„Красноярский Раб.“ (№ 144), приводя отчет об этом экзамене, глубокомысленно высказывается от себя:

Несомненно, чтобы так отвечать, нужно совершенно не читать газет и стоять в стороне от современной общественной и политической жизни страны

Как вы догадались, товарищи?

„БЕЗБОЖНАЯ“ ВОЛОКИТА

Перед нами — письмо секретаря Ленинградского Гублита, почтовая квитанция № 313 от 29 марта, 1924 года, на адрес „Безбожника“ и заказная бандероль из редакции „Безбожника“ от 17 июля, 1924 года.

Читаем письмо:

Понадобился мне перед пасхой материал для устройства Уголка Безбожника. Так как достать здесь в Ленинграде его трудно, то я послал в редакцию журнала Безбожника с просьбой выслать. Посылаю при этом деньги; послал 29-го III — 24 г., а материала так и не дождался; пришлось устраивать уголок с тем, что нашел. Прошло три месяца, и вот 22-го VII — 1924 г., получаю нужный мне материал. Это ли не американизм? Это ли не волокита?!

Безбожная твоя душа, „Безбожник“! Нешто так полагается?! Ничего святого для тебя нет! Гублита — и того не пожалел!..

ДВОЙНИКИ

В „Сиб. Гудок“ (№ 150) в ответ на какую-то рабкоровскую заметку поступило следующее официальное опровержение:

Управление Томской ж. д. № 117283.

В редакцию „Сиб. Гудка“ июля 1924 г.

„Комиссионным расследованием заметки „Под крылышком начальственного родственника“, помещенной в газете „Сиб. Гудок“ № 90—24 года, установлено, что родственной связи между дорожным мастером Лебедевым и рем. рабочим Шперг, арт. старостами Тимофеевым и Гуляевым не усматривается, т. к. жена Лебедева приходится сестрою матери рабочего Штерг и арт. старост. Тимофеева, а Гуляева является дочерью Тимофеевой.

Подписали: начальник дороги,
нач. адм. службы.

Вот и мы устанавливаем, что между начальниками, подписавшими этот веселый документ, и Поприщиным из гоголевских „Записок сумасшедшего“ — тоже не усматривается никакой родственной связи.

А так,—простое сходство.

МЯГКИЕ НРАВЫ

На сибирской магистрали свои порядки и обычаи. „Красноярский Рабочий“ (№157) сообщает:

На 617 версте рабочие смазывают рельсы мазутом, чтобы затормозить поезд и влезть в него..

Это только свидетельствует о мягкости характера сибиряков. На других дорогах в подобном случае разбирали бы рельсы.

ПЕЧАТНОЕ СЛОВО

„Если вы доверчивы — в Сити вас обманут. Если вы неопытны—в Сити вас обставят. Если вы наивны — в Сити вам покажут чудеса...“
(Из газетной статьи о Лондоне).

Рис. Ив. Малютина

— Только ты, тетка, сито настоящее давай... Вон даже в газетине пропечатано, что доверчивого человека ситом оммануть — плевое дело. А нам сито доподлинное надо: чтобы без чудес!

ПУГАННАЯ ВОРОНА.

(И еще один тип).

— Смехота, да и только! Мальчонка годов четырнадцати не более, а такими неподобными словами нас с Васькой кроет, что не приведи бог... Хулиган, как есть хулиган!..

— Виноват, Иван Иванович! Вы насчет беспризорных детей поаккуратнее выражайтесь. Начальство ноне ими интересуется, а вы выходит супротив начальства идете. Не один я в квартире-то. Услышат.

— Да тут и обиды никакой для начальства нет. Сам Соломон Исаакович—симпатичный такой еврей...

— Насчет еврейского вопроса попросил бы вас, Иван Иванович, в моем доме полегче! Скрипач тут рядом со мной в соседней комнате живет. Услышит еще.

— Да разве я его непманом лаял иль буржуазом каким?..

— Виноват, Иван Иванович. Насчет буржуазов и непманов у меня пройтиться нельзя, потому как по коридору сосед из этого сословия живет. Услышит.

— Ну, нельзя, так нельзя. К чорту их пошлем!

— Вы.. Насчет чорта поосторожнее будьте! Сами знаете, не один я живу. Услышат.

— Позвольте? Да до чорта-то кому какое дело?

— Религия—опиум для народа. Не удобно нынче в чорта верить. Коммунист тут один живет. Услышит. Невежество, скажет.

— Вам бы при вашей робости, Никандр Семенович, отдельную квартиру снять надлежало, или с глухонемыми жить...

— Мы и так живем и хлеб жуем. Нас никто не обижает и мы ни про кого дурного слова не скажим.

— И что вы за человек такой, Никандр Семенович, ей-богу! Васька, так тот совсем напротив. Отчаянный. Намедни приходит к нам во двор татарин и начинает кричать: халат, халат, хала...

— Тсс! Не акцентируйте, Иван Иванович. Знаете что за акцентирование одному артисту...

— Да нешто я артист какой? Артистов этих в Петрограде...

— Не в Петрограде, а в Ленинграде...

— Да дайте мне слово-то сказать, что вы мне рта открыть не даете, право? Нет с вами, видно, самогонку не сваришь...

— Чего-с? Самогонку?! Это какая же такая самогонка? Да разве вы видели..

— Пословица такая есть...

— Пословица? Под суд невинного человека из-за пословицы этой подвести хотите?

— Зачем подводить? Которые гонят, а которые...

— Ишь, язва какая! Так и намекает, так и намекает. Нет того, чтобы тихо, смирно, по людски о погоде и о прочих беспартийных вещах поговорить. Он все в пику, все с подковыркою, все с целью, с язвою... И нации трогает, и сословия задевает, и акцентирует... Теперь самогонку приплел...

— К слову пришлось. Сболтнул...

— Сболтнул? Знаю, знаю, прекрасно знаю, кто сболтнул.. Маланья насплетничала... Завидно бабе поганой... А вы уже и поверили. Думали испужаюсь я, да заместо взятки сразу 2 бутылки дарма отвалю?.. Даром-то, знаете что бывает?.. Позвольте вам...

— Зря вы приятеля обижаете... Ей-богу, и в мыслях то...

— Позвольте вам выйти вон! Мне мой спокой дороже...

Сергей Томский.

Рис. И. М.

ЗАРПЛАТА.

Зачастую зарплата выплачивается товарами из кооперативных лавок. В результате кооперативные закупки рабочих принимают уродливый характер: рабочие закупают все, что есть, лишь бы набрать на сумму заработка.

(Труд)

Придя с работы, Калюзин сказал жене:

— Собирайся, зови Надьку с Васькой... За получкой пойдем, одному не дотащить.

В кооперативе, оглядывая полки и почесывая в раздумье затылки, толкалось много народу.

— Вот что, Захар Иваныч, — обратился Калюзин к продавцу, — дай ты нам сначала сахарцу фунтиков пятнадцать...

— Ишь засахарился, столько нельзя, другим не хватит. По три фунта велено отпущать.

— Тогда давай мучицы с пудик..

— Любую половиночку можно.

— Вот те на!.. Получается, и брать нечего?

— Как нечего?.. Возьми спичек ящик.

Жена толкнула Калюзина в бок.

— Не бери спички, поганые у них спички. Чиркаешь, чиркаешь — всю коробку изведешь, пока зажгется одна.

Продавец нагнулся вперед.

— Понапрасну вы хаете наши спички, товар самый зажигательный, того и гляди, как-бы пожару не наделать.

Жена махнула рукой.

— Мыла лучше возьми!

— Мыла можно, это у нас сколько угодно. Вот извольте, яичное, миндальное, земляничное имеется от хорошего цвета лица...

— Чего ты нам душистое пихаешь? Нам давай серого, для стирки.

— А вы не смотрите, что душистое, оно еще лучше для стирки. Постираешь портянки, например, земляникой пахнуть будут. Не годится? Ну, серого мыла нет.

— Еще что есть?

— Горох есть. Возьми мешок.

— Пивную, что-ли, открывать? В самом деле, нечего брать!

— Ну, это вы зря... А вот... стаканьев, поди, нету у вас?

— Стаканьев?

Жена нерешительно пожевала губами.

— Кабы деньги, обошлись-бы. Ладно, давай дюжину с ямочками на боках.

— Чего дюжину, берите обе. Покуда до дому донесете, может перебьете сколько. Или чай наливать станете — трык, и готово.

— Шут с ним, давай две. И блюдечков этих с цветочками. Пущай в шкафе стоят. Чего-же еще взять? Швабров разве?

— Швабры у нас удивительные, превосходные швабры. Берите десяток, на три года хватит.

— Десяток мало, вали полсотни, торговать пойдем.

— Изюму пудик можно отпустить, хорошо пожевать, особливо для ребят... Горчицы с полпуда к студню... Экстрактец замечательный натурально-ягодный имеется... А то еще пасочницы есть, с прошлой пасхи оставшись.

— Пасочницы у нас верно, что нету.

— Вот и берите пяток, на будущий год сгодятся. А то вот еще...

Продавец протянул Калюзину деревянный портсигар.

— Заграничной работы, настоящая корейская береза.

— На кой прах мне полсигар-то?

— Пойми ты, дешевка, по случаю можно сказать. В гости придешь, вынешь из кармана — глаза у всех разбегутся.

Калюзин вертел в руках портсигар, как вдруг почувствовал на плече чью-то руку и обернулся. Перед ним стоял Мастаков.

— Никак эту срунду берешь? Плюнь... Подь-ка сюда.

Мастаков отвел Калюзина в сторону, приложил руку ко рту и зашептал на ухо. Калюзин вскинул удивленные глаза.

— Да ну?

— Ей богу. Сыпь!..

Калюзин решительно подошел к жене.

— Клади стаканья назад. Захар Иваныч, отвесь нам соли двадцать пудов.

— Это можно, этого у нас полный склад.

Жена разинула рот.

— Да ты очумел, что-ли? Соли двадцать пудов? На всю жизнь?

— Молчи. Лавочник Пантюшкин огурцы засаливает, так ему соли надо. Придется только пятак с пуда скинуть. Васютка, беги за тележником!

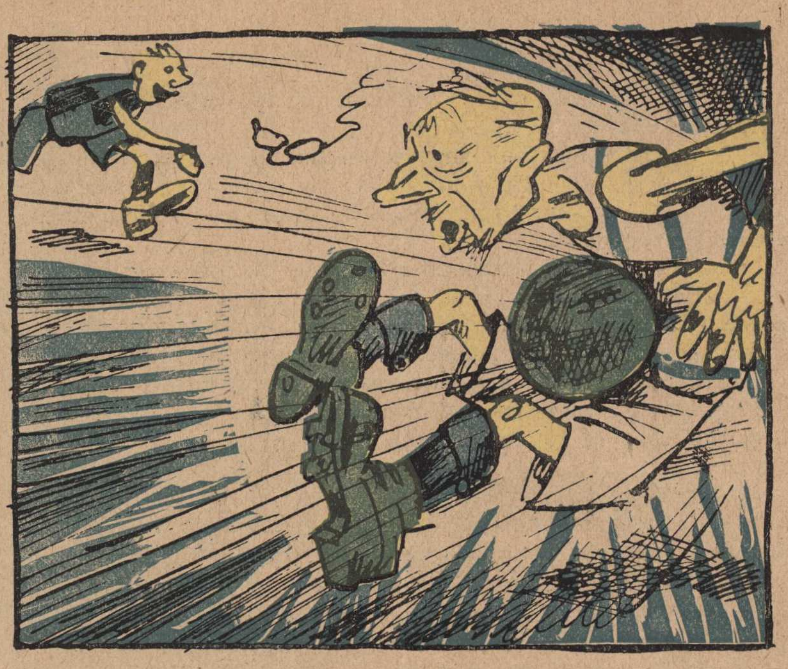
К. Мазовский.

И ФИЗКУЛЬТУРА НЕ ВСЯКОМУ ПОЛЕЗНА!

Рис. Б. Антоновского *Текст А. д'Актиля.*

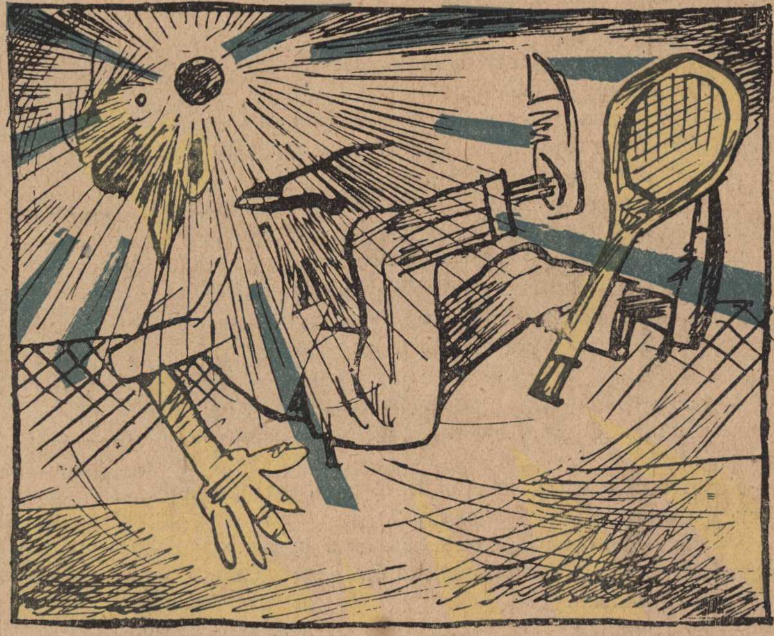
„О значеньи физкультуры..." Книжка, сделанная хлестко,
Взбудоражила в Главбухе прыть безусого подростка.

Про футбол он был наслышан лишь поверхностно и глухо
Но футбол (как оказалось) не в характере Главбуха.

От борьбы, спустя десяток чрезвычайно кратких схваток,
Он лишился абсолютно даже признаков лопаток.

Тенис полон грациозных и чарующих движений...
Но и тенис у Главбуха вызвал много возражений!

Водный спорт... Главбух, изведав, рявкнул в раже благородном:
— Почему сей спорт не назван, ради точности, подводным?

И опять Главбух в конторе. Этот спорт в его натуре.
Сознавайтесь: кто придумал злую ложь о физкультуре?

ЛЕГКАЯ НАУКА

„Крестьяне Сев.-Зап. области кооперированы всего лишь на 10%. Торговцы вербуют себе покупателей всеми мерами, в частности - широким кредитованием".

Владелец лавки „Труд-Прут" стоял за прилавком перед покупателем и говорил ему, сияя:

— К нам, гражданин хороший, ходит покупатель. Мы покупателя в руках держим. В казенной лавке, может, и дешевле и все такое прочее, а идут к нам. Отчего? А очень даже просто отчего, гражданин хороший.

Хозяин любовно похлопал себя по лбу и продолжал:

— Котелок варит... Башка работает... Скажем, теперь кредитование. Государственный магазин в долг отпущает, а мы еще ширше отпущаем. Государственный магазин велит вежливо относиться к покупателю, а мы покупателю ручку жмем. Те будут ручку жать, а мы чаем их будем потчевать. Те будут чаем, а мы кофеем. Те кофеем, а мы... мы им, чертям, сапожки будем чистить.

Покупатель усмехнулся.

— Так-то так, — сказал он. — Да только это пока. Государственный магазин тоже не без башки. Научился. Наука ваша нетрудная.

— Наука легкая, — согласился хозяин, — не спорю. Легкая наука. Да только уметь надо. Скажем, крестьянин пришел — мужичок-серячок... Тут психология требуется. Мужик не любит, — дескать, вот вам товар, а деньги сюда кладите. Мужичек любит, чтоб ему товар похвалили, чтоб ему пыль в глаза пустили. А кроме того просто любит он поговорить на семейные темы — мы и потрафляем.

В лавку „Труд-Прут" вошел крестьянин. Он робко оглянулся по углам и снял шапку.

— Вот видали? — тихо сказал хозяин своему собеседнику. — Вот крестьянин пришел... Глядите, чего я с ним сделаю... Тс... Почтенье землячку...

— Это чего, — спросил крестьянин, — лавка - то казенная? Мне казенную надо...

— Лавка „Труд-Прут" — строго сказал хозяин. — Не казенная, но вроде, как на паях... Для нас все равно, как казенная... Садитесь на тубаретку... Покупать-то для себя пришли?

Мужик осторожно посмотрел на хозяина.

— Для себя. Ситчику мне, любезный коммерсант...

— Ситчику? — радостно воскликнул хозяин. — Есть ситчик... Светленький... В полоску, в клеточку, в амбарчик, в горошек... Сейчас...

Хозяин ринулся к полкам и сбросил на прилавок несколько кусков плохого, редкого ситцу.

— Мне, любезный коммерсант, в подковку надо, — робко возразил мужик. — Чтоб подковка была раскидана по полю... А это будто в горошек...

— В горошек, — обиделся хозяин. — Горошек завсегда подковку заменяет. Подковка завсегда после стирки образуется.

Мужик потеребил ситец в руках.

— Редкой, — сказал он. — Редким мы не интересуемся.

— Этот ситец редкий?! — вскричал купец. — Да это плотненький ситец... Это не ситец — сукно, чудо столетия... Равносильный ситец... Рафинад.. Сам бы покупал такой ситец, да деньги надо — жена в закладе сидит...

Мужик недоверчиво усмехнулся.

— Ей-богу! — сказал хозяин, воодушевляясь. — Мое дело сторона. Я за похвальбу не получаю. Но только это чудный, типичный ситчик... И цена недорогая... Вы чего, семейный?

— Семейный...

— Семейный ситчик, — сказал хозяин. — Внуки спасибо скажут. Это, скажут, ситчик, действительно... Жена-то здорова-ли?

— Здорова. Чего ей делается...

— Здоровая жена завсегда такой ситчик похвалит. Потому она одобрит... Хлеб-то у вас как? Не побило ли градом, оборони создатель...

Крестьянин с удовольствим присел на лавку и вздохнул:

— Малехонько побило... Малость... Стороной прошло. А так-то ничего, хлеб родится.

— А хлеб родится, — сказал хозяин, — значит и ситчик надо светленький брать в горошек. Тебе на две рубахи или на три?

— На рубаху, — сказал мужик. — Да только я уж и не знаю... Не интересуюсь таким ситцем.

— Надо интересоваться, как же можно, — пристыдил хозяин. — А град-то крупный был?

— Град-то крупный, в ноготь.

— Скажи на милость — в ноготь... Так как-же — на две рубахи?

— На рубаху, — сказал мужик.

Хозяин тигром накинулся на ножницы. Отмерил, прикинул, попестрил ситцем перед глазами мужика и сказал:

— Рубашка будет... Чудо столетия. Антик в горошек... Завсегда к нам заходите. Можем и в долг отпущать... Сегодня на деньги, завтра в долг... Заходите...

— Зайду, — сказал мужик.

Он потолковал еще о граде с хозяином, рассказал кой-какие подробности и, любуясь на свой ситец, вышел из лавки.

— Видали! — восхищенно сказал хозяин своему собеседнику. — Как по-вашему?

— Что-ж, — сказал собеседник. — Наука ваша легкая, это верно. Да только не без обману...

— Зачем не без обману, — обиделся купец. — Мы только потрафляем покупателю. Обмана нету... А ежели это обман по-вашему — идите в государственный магазин. Вам чего надо? — строго переспросил хозяин.

— Да мне ничего, — сказал собеседник. — Я так... Меня, видите ли, заведывающим назначили, в кооператив... Вот пришел поучиться... Как торгуете... Наука ваша легкая, но тово-с, неприятная наука...

Хозяин сконфуженно посмотрел на своего конкурента и сказал:

— Кому как-с...

Собеседник купил катушку ниток и, усмехаясь, вышел.

Мих. Зощенко

НЕ УДИВИШЬ

— Ванька, сознайся: ты взял мой полтинник серебренный?

— Не видал я полтинника, что-ли? Да я вчера в экскурсии на Монетный Двор на золотые насмотрелся!

СТАРАЯ, НО ВЕЧНО ЮНАЯ ИСТОРИЯ

Синельниковское Т. П. О. закупило галантерею и парфюмерию. Масло, муку и рыбу продавал втридорога частный торговец.
("Красн. Запорожье")

**В Тепее и шум, и давка,
Лента длинного хвоста.
Каждый трется у прилавка
Крепче банного листа.
До сих пор пустели полки,
А теперь — какой анфас!!
Ну и лезут, точно волки,
Желдорожники в лабаз.
Все-б узять, что только в силе!
Сердце чешется в груди!..
...Закупили... Зафорсили...
За семь верст не подходи...
У Ванятки — три перчатки
У Васятки — фунт помадки.
У Филатки — пудра „Шик".
У кондуктора Федоса
Комбинэ из фильдекоса,
У метельщицы — парик...
Пресс-папье купила Дунька,
Тройку запонок — Сергунька,
Проводник купил бювар.
Вон — у сцепщика Данила
Зубочистка и белила...
(Хоть не надо, а товар!).
Смазчик лиф купил ажурный.
Слесарь—ящик маникюрный.
ДН2 — того-сего.
Лишь уборщица Ненила
Укупила фунтик мыла
От достатка своего.
„Продавцы" над ней смеялись,
И правленцы надрывались,
И над мылом дивовались:
— Этта... в общем... для чего?!**

Е. В.

АВИО

— Мой Васька не иначе, как в Добролет записался...

— А что?

— С шестой, почитай, службы за зиму вылетает!

СМЕСЬ ЯЗЫКОВ

Рис. Б. Антоновского

— Эка он непутевый, кум-от! „Пойдем, — грит, — в трахтир: червяка заморить!" Да этак незаметно три с половиной червяка и заморили...

ТАРАКАНЫ В ТЕСТЕ

ОДЕССА В МОСКВЕ

Нет теперь человека, который не баловался бы частушками.

Вот, например, частушки Ник. Асеева из „Красн. Перца" (№ 13):

*Не завидую я зря
На пальмы, море, финики,*
Всем знакомым говоря:
„Еду в Наркомфинники".

Это что! Мы еще чище можем:

Как оделась я по моде,
Сразу брюхо вспучилось:
Я, миленок, в прошлом годе
За тебя соскучилась.

Что, Ник. Асеев? Завидуете, небось, на наши частушки? То-то!

ТРАГЕДИЯ ДЕЛОВОГО ЧЕЛОВЕКА

Курская газета „Комсомолец" печатает разоблачающие стишки.

Обед активиста

Правда, ест не спозаранку,
Но зато обед большой:
С колбасою ест таранку
И таранку с колбасой.
Ест и зрит, чтобы ребята
Не поперли колбасу,
И готовится к докладу:
Ведь ячейка на носу.

Поистине, ужасное положение: все сразу—и обедает, и к докладу готовится, и за колбасой приглядывает...

И, в довершение всего, — с ячейкой неудобство: — на самом носу...

Не нашла более подходящего помещения!..

МЕЖДУ НЕБОМ И ЗЕМЛЕЙ

Читатель, сделайте серьезную физиономию.

В виду частых запросов об имеющейся литературе по вопросу о межпланетных сообщениях и о возможности ее получить, общество изучения межпланетных сообщений извещает, что им открыт книжный киоск при обсерватории бывш. Трындина (г. Москва, Лубянка, 13), куда и следует обращаться.
(Новгородск. газета „Звезда").

Из этого же общества, по свидетельству „Известий", получено письмо.

На бланке его значится: *„Общество межпланетных сообщений"*. Москва.

Итак, — товарищи малоземельные и безлошадные, не зевайте: не сегодня-завтра межпланетным обществом будет открыта запись переселенцев, желающих выехать на отруба — на луну, Марс и прочие отдаленные места СССР.

Харчи в дороге — на свой счет.

БЕСКОЗЫРНИКИ

В каждом городе — свои неприятности. Ярославль, например, замучен „козыряющими" козами.

Бродячие козы.

Неоднократно уже писалось у нас в газете („Сев. Рабочий") о бродящих без призора козах, портящих сады, огороды и т. д. К сожалению, милицией еще до сих пор не принято в этом отношении нужных мероприятий. Так, например, на 1-й Новой стройке, у гр-ки Бакаревич имеется коза, которая свободно, без привязи, бродит по улице, портит огороды, козыряет детей и т. д.

Этакое горе! Ходит коза и *козыряет* детей... А сделать с ней ничего нельзя, — потому без козырей ярославцы сидят... Бить нечем!..

ЦВЕТНОЙ ВОПРОС

Если та партия в Америке, которая думает делать революцию, не будет принимать негров, она ни в коем случае не сделает революции, потому-что там живут 12 миллионов негров, гонимых, обездоленных париев, среди которых царит большое недовольство.

(Из речи Лозовского на 3 конгрессе Профинтерна)

Рис. В. Козлинского

Конечно, негру невозможно стать белым. Но ему легко сделаться красным.

Издатель: „ГУДОК" Ответственный редактор А. С. Андрейчик

Ленинградский гублит № 11451 Типо-Литография „Красный Печатник" Ленинград. Международный, 75. Тираж 50.000 экз.